

ЗОЛОТОЕ РУНО

*La Toison
d'Or*

600

N. 5

500

№ 5.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Художественный отдѣлъ.

Стр.

1. Я. О. Капковъ. Статья барона Н. Врангеля	3
2. 4 снимка съ произведеній Я. О. Капкова.	5—8
3. 15 снимковъ съ произведеній гр. Федора Толстого	11—20
4. „Графъ Федоръ Толстой“, статья П. Муратова	21—25

ПРИЛОЖЕНИЯ:

- 1) Я. О. Капковъ, автопортрѣтъ (автотипія duplex). 2) Я. О. Капковъ. Турчанка (автотипія duplex). 3) Графъ Федоръ Толстой. Акварель (фототипія).

Заглавный листъ къ произведеніямъ гр. Федора Толстого — орнаментъ съ грамоты нач. XIX в.; надпись — В. Милоти.

Надпись къ произведеніямъ Я. Капкова — В. Милоти.

Украшенія а) силуэты графа Ф. Толстого изъ коллекціи П. И. Шукина; б) рисунокъ гр. Ф. Толстого (Гретьяковская галлерей).

Виньетки (28, 30, 43).

Обложка: Марка, виньетка, надпись Е. Лансере; рисунокъ М. А. Врубеля.

Литературный отдѣлъ.

1. Серге́й Городецкий, „Простая сказка“, 6 стихотв.	27
2. А. Ремизовъ, „Подъ кровомъ ночи“, сны	30
3. К. Д. Бальмонтъ, „Лирика Поля“, мысли и ощущенія	38
4. Вячеславъ Ивановъ, „Два течения въ современномъ символизмѣ“, статья (окончаніе)	44
5. Александръ Блокъ, „О театре“, стат.	51
6. Вольфингъ, „Модернизмъ и музыка“, статья	60
7. Георгій Чулковъ, „Покрывало Изиды“, статья	66

Хроника.

1. С.-Петербургская хроника	73
2. Эмпирікъ. „О чистомъ символизмѣ“, замѣтка	77
3. Вѣсти отовсюду	79

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

SOMMAIRE.

Section artistique.

Pages.

1. J. Kapkov, article du baron N. Wrangel	3
2. 4 reproductions des œuvres de J. Kapkov.	5—8
3. 15 reproductions des œuvres du comte Th. Tolstoi	11—20
4. Le comte Tolstoi, article de P. Mouratov.	21—25

SUPPLÉMENTS:

- 1) I. Kapkov, portrait de l'auteur (autotype duplex). 2) I. Kapkov. Femme turque (autotype duplex) 3) Comte Th. Tolstoi. Aquarelle (phototypie).

Entête des œuvres du comte Th. Tolstoi—ornement d'une charte du XIX s.; inscription de B Milioti.

Inscription pour les œuvres de I. Kapkov—par B. Milioti.

Ornements: a) silhouettes du comte Tolstoi de la collection P. I. Stchoukine; b) dessin du comte Th. Tolstoi (Galerie Trétiakov).

Vignettes (28, 30, 43).

Couverture: marque, vignette, inscription par E. Lanceré; dessin de M. A. Wroubel.

Section littéraire.

1. Serge Gorodetsky, „Simple histoire“, 6 poésies	27
2. A. Rémisov, „Sous l'aile de la nuit“, rêves	30
3. Constantin Balmont, „Le lyrisme du sexe“, pensées et sensations	38
4. Venceslas Ivanov, „Deux courants dans le symbolisme contemporain“, art. (fin.) . . .	44
5. Alexandre Blok, „Du théâtre“	51
6. Wolfgang. „Le modernisme et la musique“	60
7. Georges Tchoulkoff, „Le voile d'Isis“, art.	66

Chronique des arts.

1. Chronique de St-Pétersbourg	73
2. Empiricus. Réflexions sur le symbolisme pur	77
3. Nouvelles de partout	79

AVIS DE LA RÉDACTION.

ANNONCES.

ЛИРИКА ПОЛА.

Мысли и ощущения.

I.

Песаломъ поцѣлуй.

Что бы ни говорили, кто бы ни говорилъ, что бы ни дѣлали, что бы ни свершалось, а нигдѣ, никогда, ни въ какихъ мгновеніяхъ ничего неѣть лучше, чѣмъ поцѣлуй. Всегда, и вездѣ, и во всѣхъ мгновеніяхъ, лучшее, что знаютъ мои губы, умѣющія говорить, есть поцѣлуй. Отъ глазъ къ глазамъ, или отъ рта къ рту. О, самое сладкое, и самозабвенное, самое тайное, глубокое, затоннное, самое сокровенное, дрожью двухъ мировъ исполненное, встрѣчей двухъ безбрежностей—есть поцѣлуй. Отъ глазъ-ли къ глазамъ, черезъ свѣтлый продольный эти окна, откуда глядитъ душа и Вѣчность, черезъ переблескъ магическихъ этихъ зеркалъ, переговаривающихся вѣще помимо вѣдома той зачарованной комнаты, где эти зеркала суть жизнь и украшеніе;—отъ губъ ли дрогнувшихъ къ другимъ возжелавшихъ губамъ идетъ этотъ тайный разговоръ, такъ что губы касаются другъ друга, румянятся другъ другомъ, прижимаются другъ къ другу, какъ птички на вѣтвяхъ, сливаются, любятъ, цѣлются, цѣлюются;—отъ глазъ ли къ глазамъ увидѣвшимъ, отъ губъ ли къ губамъ услышавшимъ, — я счастливъ, когда я цѣлюю. Не знаю, почему, но я вдругъ начинаю глубоко дышать. Словно воздухъ сталъ другимъ. Я чувствую радость дыханія. Впервые, цѣлюя,—опять и опять впервые, цѣлюя, я понимаю, что такое есть жизнь, вижу Небо и Землю, слышу все свое тѣло, и нѣжное тѣло другое. Цѣлюю ее, кого люблю, а душою своей говорю съ былинкой, что качается у ногъ ея, подъ легкимъ вѣтеркомъ. Слышу и вижу все, не ушами лишь только и глазами,—всѣмъ тѣломъ и всѣмъ существомъ. Отъ поцѣлуй все тѣло становится пѣвучимъ, зоркимъ и слышащимъ. Слѣпнутъ глаза, а видѣть ярче. Гаснутъ мысли, а все мыслю становится. Великая внезапно воцаряется тишина, и все безгласно начинаетъ говорить, деревья, цветы, и пыльники, и стѣны, и самая малая вещь, самая простая, сейчасъ же милая, и тонкіе звоньи, нѣжно зачинающіе Пѣсню Пѣсней въ крови, и эти близкія розовые губы, красные губы, что цѣлюютъ — иглядятъ.

II.

Взглядъ, поцѣлуй, а потомъ?

(Два голоса.)

Она—молодая девушка лѣтъ двадцати четырехъ. Высокая, стройная и гибкая. Длинные черные волосы, заплетенные въ два косы. Затѣненные длинными рѣсницами, овальной формы глаза, морскіе, сѣро-зеленые. Лицо матово-блѣдное, лишь изрѣлка озаряется слабымъ румянцемъ. Когда она смотрить на кого-нибудь, ему кажется, что она смотрить куда-то вдалъ, и когда она улыбается, ему странно и не весело. Она дѣлаетъ мало движений, но тѣ движения, которыя ей свойственны, сразу привлекаютъ вниманіе.

Онъ—молодой художникъ лѣтъ двадцати-семи. Чуть-чуть пониже ея ростомъ. Длинные золотистые волосы съ волнистыми завитками. Выразительныя губы, временами искажающіяся не то надменностью, не то горькой усмѣшкой. Глаза морскіе, голубовато-зеленые. На лѣвой щекѣ небольшая родинка. Въ манерахъ, то ребяческая изнѣженность, то мгновенная магнетическая сила.

И онъ, и она, оба какъ будто озарены изнутри какимъ-то свѣтомъ. Но она, скорѣе, лунная. А онъ, скорѣе, солнечный.

Открытая веранда. Слѣва—море, справа—садъ и лѣсь.

Закатъ. Золото лучей уже расплывлено, и, по мѣрѣ того какъ говорятъ эти два голоса, воздушно-зеленоватые, лунно-жемчужные опалы возникаютъ все шире на Небѣ, выше закатного багрянца.

Она. Такъ вы прочтете—?

Онъ. Да, вы хотите—?

Она. Вы хотѣли прочесть мнѣ нѣсколько новыхъ вашихъ вещей.

Онъ. Я прочту. Хорошо. Я прочту. (Помедливъ) А знаете—мнѣ не хочется читать. Давайте лучше говорить.

Она. Давайте. Вы мнѣ что-нибудь расскажете?

Онъ. Это такъ неизбѣжно? Я непремѣнно долженъ что-нибудь разсказать?

Она. Должны—нѣть. Но вамъ, вѣрно, самому захочется.

Онъ. У васъ уже наготовѣ наемѣшка? Неужели все женщины таковы?

Она. А вы имѣли случай освѣдомиться о всѣхъ?

Онъ. Н... нѣть. Но я многое видѣлъ—(Шутливо.) Какъ наблюдатель конечно.

Она. Конечно. Быть можетъ, вы мнѣ что нибудь разскажете теперь?

Онъ. Что вы хотите?

Она. Ну—разскажите мнѣ что-нибудь изъ вашихъ приключеній.

Онъ. У меня не было приключеній.

Она. Ну—что-нибудь изъ вашихъ романовъ.

Онъ. Это слово совершенно не подходит ко мнѣ.

Она. Почему бы такъ?

Онъ. Когда я люблю — я люблю. Въ этомъ нѣтъ романа. Это любовь.

Она. Мнѣ кажется, вы любите очень часто.—

Онъ. Да. Не смытесь. Часто. А Солнце не часто свѣтить?

Она. Луна рѣже.

Онъ. Я Солнце больше люблю. Оно горячее. Жжетъ и пынитъ.

Она. И вытрезвляетъ—послѣ Луны?

Онъ. Можетъ быть. Разъ вытрезвляетъ, значитъ пьяность была недолга. Новая придетъ.

Она. Это вы называете—любовь?

Онъ. Я, собственно, не опредѣляль. Но, если хотите,—да. Любовь есть пьяность. Любовь есть—хочу.

Она. Каждое хочу кончается съ достижениемъ.

Онъ. Мнѣ кажется, это не такъ. Не съ достижениемъ, а именно потому, что въ достижениѣ достиженія нѣть. Я хочу, я иду, подхожу, приближаюсь, я вотъ-тутъ, наклонился, я здѣсь, я здѣсь. Но то, къ чему я приблизился, не есть то, къ чему я приближался. Я откидываюсь. Вотъ я уже не здѣсь. Я гдѣ-то тамъ.

Она. Гдѣ же тутъ Любовь?

Онъ. Когда я иду, я пынью. Когда я прихожу, я, часто, еще не пришелъ. Я долго иногда не знаю, гдѣ я.

Она. Но въ концѣ — концовъ, всегда знаете, что вамъ нужно уходить.

Онъ. Такъ было до сихъ поръ. Но это не оттого, что я наклоненъ къ вѣчнымъ блужданіямъ.

Она. А отчего?

Онъ. Я не встрѣчаю полноты, которую ищу въ себѣ. Душа душѣ открывается лишь на минуты. Иногда лишь на нѣсколько секундъ. На одну секунду — зарничную. И потомъ, вдругъ, въ душахъ не хватаетъ воздушности. И онѣ разъединяются. Есть одно Китайское преданіе—(Останавливается.)

Она (послѣ долгаго взгляда.) Скажите.
Онъ. Вотъ оно.

Когда Рѣка Небесъ, тиха,
Раскинется Дорогой Млечной,
Тогда въ Созвѣзды Пастуха,
Межъ звѣздъ, въ пустынѣ безконечной,
Горитъ влюбленный, часъ-другой.
Кого онъ любить—за рѣкой.
Она прядеть, сияютъ нити,
Она безъ устали прядеть,
Ждеть Пастуха, и съ милымъ слитій,
Ждеть Пряха, и прядеть, и ждеть.
Рѣка Небесная бѣлѣтъ,

И эти звѣздности Пути
Пастухъ, весь трепетный, не смытъ,
Горя, не смытъ перейти.
Лишь разъ въ году, когда седьмая
Луна вѣнчаетъ день седьмой,
Летить сорокъ густая стая,
И мостъ сплетаетъ надъ Рѣкой.
Крыло съ крыломъ—какъ скрѣпы зданья,
Рѣка Небесъ внизу бѣла,
Иди Пастухъ, вѣсъ ждеть свиданье,
Не тщетно, пряха, ты ждала.
Но лишь на двѣ, на двѣ минуты,
Два милыхъ въ ласкахъ сплетены.
Вдругъ на мосту слабѣютъ пути,
Вотъ крылья легкихъ разомкнуты,
И вновь они разлучены.

Она. Это красиво какъ день, и глубоко какъ ночь. Это печально какъ первая разлука. Какъ послѣдняя разлука послѣ которой уже нечего ждать. И вы, зная, что это неизбѣжно—что для душъ возможна лишь краткость встрѣчи, снова и снова вступаете въ минутный тѣлесный обманъ?

Онъ. Но я же говорилъ о томъ, что обманъ означается позднѣе.

Она. И вы въ началѣ не предвидите конца?

Онъ. Нѣть, это былъ бы развратъ, а я говорю о любви.

Она. Ну что-же это? Какъ же это?

Онъ. Желаніе рождается мгновенно. Это не голосъ тѣла и не голосъ души. Это голосъ всего существа. Зовь цѣльного слитнаго я, которое съ трепетной радостью чувствуетъ, что вотъ передъ нимъ—тоже цѣльное слитное я. Цѣлый міръ. Вы понимаете? Цѣлый міръ. Эдемъ который снится. Рай, котораго хочешь. Онъ наконецъ здѣсь. Но только за дымкой. Окутанъ. Полуспрятанъ. Нужно подойти. И я подхожу.

Она. Ну?

Онъ. Отъ первого моего слова возникаетъ электрическая искра. Лицо, которое мнѣ уже мило и желанно, приподымается какъ цвѣтокъ къ Лунѣ, и душѣ на немъ зрямо: «Я тебя тоже ждала».

Она. Затѣмъ слова—закрѣпляютъ воздушность?

Онъ. Не закрѣпляютъ, а скрѣпляютъ легкія облачка въ одно большое облако.

Она. Которое темнѣеть?

Онъ. И загорается ярко.

Она. А потомъ?

Онъ. Освѣжительный дождь съ цвѣтами.

Она (съ ироніей). Такъ.

„Слезы людскія, о, слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой“.

Онъ (обиженно). Нѣть, я не обѣ этомъ.
Вы мѣняете нашъ разговоръ.

Она. Ну, не обижайтесь. Но если отъ Неба — ну, не хмурьтесь-же — если отъ тучъ съ громами мы перейдемъ къ малой комнатѣ, въ которой какъ разъ другъ на друга смотрять два — вѣще себя увидавшія — существа — приближеніе, сближеніе? Просто и быстро?

Онъ. Нѣть. Женщина всегда боится того, чего она желаетъ. И въ этомъ проклятии. Начинается бѣгство и пляска тѣней. Желанье гонится за желаніемъ. Воля манилъ волю, и отъ нея ускользаетъ. Но узелъ стягивается. Это — какъ бываетъ въ лѣсу. Когда олень гонится за влюбленной въ него самкой. Она дразнить его, потомъ убѣгаеть, но бѣжитъ по концентрическимъ кругамъ, все суживающимся. И одинъ изъ круговъ ихъ соединяется. (Послѣ молчанія.) Но олени болѣе цѣльны, чѣмъ люди. У нихъ кругъ счастливо суживается до блаженной неизбѣжности. Тамъ же, где встрѣчаются человѣческіе онь и она, есть нерѣшительность, возможность выбора, отсутствуетъ вѣрный инстинктъ поведенія. И потому въ самомъ счастіи говорится новѣрная слова и дѣлаются невѣрные движения. И счастіе перестаетъ быть счастіемъ. Странная жалость возникаетъ въ душѣ. И спрашивашь себя: что же, это счастіе или несчастіе? Взять его или не взять?

Она (смотрить на него). Взять — не взять. А правда: взять или не взять?

Онъ. У меня есть объ этомъ строки.

Она. Видите, какъ мы вѣремя къ нимъ подходимъ. Прочтите ихъ.

Онъ (оживляясь). Хорошо. Но въ нихъ есть рѣзкости.

Она. Одно лишь невозможно — оговорки.

Онъ (склоняясь). Простите, владычица. Вотъ, я читаю.

Взять ее или не взять?
Съ робкимъ трепетомъ склониться,
Извиниться, измѣниться,—
Илибросить на кровать?
Изступленно цѣловать
И, умноживъ опьяненіе,
Прочь разсудокъ отозвать,
И въ баюканья забвенія,
Давъ касаніямъ внушеніе,
Символь дѣственны порвать?

Птицы, боги, люди, звѣри,
Всѣ живыя существа,
Черезъ путь такой потери,
Были въ Вѣчномъ, въ гордой мѣрѣ,
Потому и Жизнь жива.
Потому игра соблазна,
Съ завлеканіями дѣвъ,
Такъ чарующе алмазна
И всегда разнообразна,
Какъ влюбленающій напѣвъ.
Потому тепломъ объятій

И любовнымъ стономъ женъ,
Вмѣстѣ съ воплями проклятий,
Живъ созвѣздный небосклонъ.
Птицы, звѣри, люди, боги,
Изумрудности травы,
Черезъдержанность убоги,
Чрезъ несдѣланность мертвы.
Чтобы любя проникли люди
Въ смыслъ тигриныхъ орхидей,
Чтобы застыль ты въ гордомъ чудѣ,
Завлеченной не жалѣй,
Чтобы съ птицами, съ богами,
И съ звѣрями, и съ людьми
Быть въ одномъ безсмертномъ храмѣ,
Разъ добыча есть — возьми.

Она (послѣ молчанія.) Мнѣ хорошо и больно. Мнѣ больно, потому что, говоря, вы слушаете себя, но не слышите себя.

Онъ. Я боюсь, что я не понимаю васъ.

Она. Подождите. Вы увидите. (Подумавъ.) Скажите. У васъ конечно есть какая-нибудь другая еще строки, гдѣ призыва «возьми» перестаетъ быть лишь призывомъ?

Онъ. Да.

Она. Итакъ?

Онъ. Это было въ пустынѣ. Въ Африкѣ. Я очень ее любилъ.

Она была смуглая и золотистая, какъ солнечный цвѣтокъ. Она точно изъ давнихъ временъ была, когда Любовь любили больше. Она была какъ Суламита. Безбоязненная. Наша встрѣча была быстрой какъ движение вѣтра въ пустынѣ. Наши мысли и ощущенія свѣтились и отсвѣчивали какъ безчисленныя песчинки въ пустынѣ. Я былъ съ ней счастливъ. А потому, вдали отъ нея, возникли строки:

Смуглянка Ноэми, меня ты цѣловала.
И говорила мнѣ: — Твой голосъ — онъ пьянитъ.
И говорила мнѣ: — Твой шопотъ — свѣтъ опала.
Ты весь узычивый, и нѣженъ весь твой видъ.

Я въ лунномъ счастіи, и я люблю впервые.
Люблю тебя за то, что взоръ твой — глубь морей,
Что волосы твои воздушно-золотые,
А пальцы нѣжные — какъ сказка въ часъ ночей.

И цѣловались мы. Мои глаза мерцали.
Ты вся была — люблю! Возьми меня! Возьми!
Ласкала насть Луна въ жемчужно-нѣжной дали.
И вотъ я взялъ тебя, смуглянка Ноэми.

Она. А когда Луна зашла?

Онъ. Была темная Ночь, и Утро, и День. А съ днемъ ушелъ сонъ.

Она. Потому что?

Онъ. Потому что на этотъ разъ я самъ былъ виноватъ. Я хотѣлъ непремѣнно какихъ-нибудь словъ отъ нея. А она только сказала: Ты звѣзду спрашивашь, когда она восходитъ? Я сталъ говорить: А если она зашла? Она посмотрѣла на меня и,

помедливъ, сказала: Когда ты говоришь— зашла, она—идетъ.

Она (словно пробудившись). И потомъ?

Онъ. Она ушла. Скрылась. Не захотѣла меня больше видѣть. Осталась гдѣ-то въ пустынѣ.

Она. Какъ оазисъ. А вы унесли съ собой пустыню.

Онъ. Этого я не знаю.

Она (вставая). Да, вы не знаете. Вы слѣпой. Вы только однажды были около своего счастія, и вы отъ него ушли. Разсуждающій бѣлолікій, вы были недостойны той смуглой дочери Пустыни, которая была сожжена страстью. Вы ничего не видите—въ цѣльности. Вы живете построеными словъ. Построить—разрушить, вотъ ваша дѣтская забава. Подойдя къ цвѣтку, вы не видите цвѣтка такъ, какъ онъ есть, а въ отдѣльности видите въ немъ стебель, листья, лепестки и чашечку. Дивно ли, что цвѣтокъ умираетъ отъ вѣшаго прикосновенія. И вы искренно убѣждены, что не видите кругомъ цѣльности, которую вы носите въ себѣ!

Онъ. Кляните меня. Но замѣтьте, что вы вините меня въ томъ, что составляетъ сущность человѣческой природы.

Она. Еслибъ даже. Развѣ художникъ то же самое, что человѣкъ? Но вы и тутъ вѣрны себѣ, говоря невѣрности. Я вовсе не обвиняю васъ. Я лишь зеркало вамъ протягиваю. Когда мы говорили съ вами, я нѣсколько разъ спрашивала:—А потомъ?—И вы охотно откликались. Вы не знаете, что нѣть «а потомъ» въ томъ, что красиво и сильно. Нѣть его ни въ солнечномъ утрѣ, ни въ лунной ночи, ни въ улыбкѣ, ни въ поцѣлуѣ, а есть золотое утро, серебряная ночь, розовая улыбка и поцѣлуй.

Онъ. Говорите! Минѣ кажется, что я слышу въ первый разъ настоящій голосъ.

Она. Можетъ быть. И въ послѣдній. (Съ горечью.) Вы не можете жить безъ соблазненія. Вы не чувствуете, какъ оно удушливо, комнатно, а если и дойдетъ до кажущейся свободы, такъ эта мнимая вольность есть лишь ничтожная свобода степного перекати-поля. Катится, кружится перекати-поле, и кажется ему, что вотъ какъ оно свободно. Но неподвижный курганъ его свободнѣе. И свободнѣе его вольная птица степная, которая летить, присѣла, летить и не думаетъ.

Вы говорите—сущность человѣческой природы. Когда прикасались вы къ Землѣ и слышали Море, чтобы говорить такъ?

Вы мнѣ много хорошихъ строкъ прочитали. Я вамъ тоже прочту—Океанійскую Пѣсню, «Часъ Любви». Эту пѣсню я слышала отъ одного моряка, который потерялся въ Моряхъ. А онъ ее слышалъ на одномъ изъ тѣхъ малыхъ острововъ, гдѣ еще любятъ Землю и Воду и гдѣ ничего нѣтъ, кромѣ узкой полосы Земли и всеокружнаго Океана, да Солнца, Луны и Звѣздъ наверху. (Помедливъ.) Это—мать говорить своей дочери. Въ лунную ночь, въ родѣ той, что у насъ зовется Ивановой ночью, и есть лишь память о бывшемъ.

Выходи, дочь моя, чтобъ тебя
Кто-нибудь,
Павъ на грудь,
Бѣль любя.
Коль теперь дать себя,
Ты вкусна,
Будетъ Ѣсть, ты на вкусъ такъ нѣжна.
Сладкій медъ
Будетъ Ѣсть, будетъ пить,
Обойметъ,
Будетъ пить,
И любить.
А себя
Не отдашь ты теперь,
Жить скорбя
Будешь тусклъ, о, вѣры.
Выходи, дочь моя, чтобъ тебя
Кто-нибудь,
Павъ на грудь,
Сжалъ, любя.

Прощайте. (Спускается съ веранды.)

Онъ (быстро вставая). Постойте, постойте! Если бъ вы знали—!

Она (полуобращаясь, небрежно). — Вы хотите?

Онъ (восклицая). Я хочу быть съ вами.

Она. Нѣтъ. Я иду къ Морю. Вамъ нечего тамъ дѣлать. Идите въ садъ. И дышите цвѣтами. — Поочереди. (Не оглядываясь уходить къ вечернему Морю.)

III.

Атомы Времени.

Когда я сидѣлъ одинъ и размышлялъ, что означительнѣе—Вѣчность или Мгновеніе, и существуетъ ли Вѣчность и существуетъ ли Мгновеніе, передо мной внезапно явился маленький гномъ; онъ былъ очень безобразный, а въ рукахъ у него были чрезвычайно яркие самоцвѣтные камни. Я никакъ не удивился ни его появлѣнію,—конечно онъ долженъ былъ появиться,—ни тому, что ноги у него были козлины, а странная его шапочка, похожая на шапку звѣздочета, была увита цвѣтами,—конечно, онъ былъ и звѣздочетъ, и тайноглазъ растеній. Вотъ только козлины ноги какъ будто не по порядку. Ужъ не сатиръ ли онъ?

Нѣть, нѣть, конечно онъ гномъ. Одинъ изъ тѣхъ мудрыхъ, послѣдовательныхъ гномовъ, которые дѣлаютъ добро и дѣлаютъ зло, живутъ въ темнотѣ и любятъ самоцвѣтности, гнѣздятся подъ землей и восходятъ кверху,—ну, словомъ, гномъ же, гномъ.

Достаточно его осмотрѣть, я его спросилъ пренебрежительно:—«Ты гномъ?»—«Да, я гномъ»,—отвѣтилъ онъ, и бросилъ мнѣ маленький яхонть. «Но ты гордый?»—спросилъ я.—«Я очень гордый».—«Твои камни горятъ какъ звѣзды».—«А у насъ тамъ подъ землей Небеса».—«Но ты безобразный»,—вскричалъ я, безпричинно разгневавшись.—«Безобразный, и разный»,—сказалъ гномъ.—«Ты унижаешься до остротъ»,—закричалъ я.—«Я унижаюсь»,—покорно сказалъ гномъ. А козлины ноги его приплясывали. Покорность—и приплясываетъ: «Послушай»,—сказалъ я,—«будемъ говорить серьезно. Зачѣмъ ты пришелъ?»—«Пришелъ»,—откликнулся гномъ.—«Не будь же птицей-пересмѣшникомъ. Я спрашиваю тебя: зачѣмъ?»—Гномъ смущился, и изъ лѣвой руки его посыпалась блестящіе камешки.—«Зачѣмъ?»—сказалъ онъ,—«этого слова нѣть на нашемъ языке!».—«Ну, ты здѣсь побудешь со мной,—а что же потомъ?» Гномъ кашнулъ головой, изъ правой руки его посыпалась блестящіе камешки, а на высокомъ его колпакѣ засвѣтилась звѣзда. «И этого слова на нашемъ языке нѣть»,—сказалъ онъ.—«Ну, я вижу съ тобой много говорить не приходится»,—сказалъ я.—«Не приходится»,—отозвался гномъ.—«Но въ такомъ случаѣ, покажи мнѣ что-нибудь изъ твоихъ маленькихъ чудесъ».—«О»,—воскликнулъ онъ, оживляясь,—«это, сколько хочешь. Я знаю, ты очень нѣжный»,—добавилъ онъ весьма значительно.—«Такъ вотъ я тебѣ принесъ свирѣль. Если ты тихонько дунешь на свои пальцы, потомъ приложишь руку къ сердцу, потомъ приложишь каждый палецъ по отдѣльности къ губамъ,—и пальцы, и губы твои будутъ зачарованы, только нужно при этомъ повторять—мигъ, мигъ, мигъ,—и да, да, да,—и нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.—И вдругъ—мигъ.—И ты будешь очень хорошо играть на свирѣли»,—сказалъ онъ съ важностью.—«Но я не умѣю играть на свирѣли»,—сказалъ я.—«О, это очень просто»,—сказалъ гномъ,—«ты приложишь свирѣль къ губамъ. Только смотри: тутъ семь отверстій,—такъ чтобы каждое отверстіе было за себя. И когда ты будешь перебирать пальцами,

такъ чтобы одинъ другому не мѣшалъ, и чтобы каждый палецъ былъ за себя.»—«Что же тогда я смогу пропѣть?»—спросилъ я, проникаясь великой любовью къ гному. — «Все»,—промолвилъ гномъ.—«Что знаю и что не знаю?»—спросилъ я.—«И еще что-то,—отвѣтилъ гномъ.—«О, какой ты милый»,—воскликнулъ я, теряя краснорѣчіе, и, схвативъ свирѣль, приложилъ ее къ губамъ.—«Постой»,—сказалъ гномъ,—«это еще не все, — смотри на меня, и ты запоешь».—Гномъ сталъ около каминя, кашнулъ своимъ высокимъ колпакомъ, такъ что звѣзда дважды и трижды блеснула, даже до семи разъ, и, разсыпая блестящіе камешки, началъ раскачиваться, все приговаривая, — нѣтъ-да, — да-нѣтъ, — нѣтъ-да, — да-нѣтъ...—

Да!—воскликнулъ вдругъ, и скрылся. Скрылся ли онъ, правда, я не знаю. Сижу я предъ каминомъ. Въ каминѣ пляшутъ огоньки, а надъ каминомъ часы стѣнныя. Тикъ-такъ. Маятникъ раскачивается. Вправо—влѣво, тикъ-такъ. А за окнами бѣлая зимняя ночь. Новая Луна. И сиѣжинокъ безконечность. И я сижу передъ пляской огня, и поетъ мнѣ свирѣль обѣ Атомахъ Времени.

Мы въ извиныхъ
Вспѣвахъ взрывныхъ,
Мы втекаемъ въ Да и Нѣтъ.
Мы въ Безликомъ,
Ликъ за ликомъ,
Иней звуковъ, прахъ примѣтъ.
Мы свѣченье,
Зыбы теченья
Въ океанѣ Мировомъ,
Дрожь въ намекѣ,
Малость, строки,
Буквы въ рунахъ, пѣснь въ нѣмомъ
Мы забытость,
Глянцевитость
Всеокруженаго жерла!
Мигъ живемъ мы,
Но поемъ мы,
И звучатъ колокола.
Мы сиѣжинки,
Паутинки,
Въ каплѣ влаги миллионъ.
Онъ рыдаетъ,
Не считаетъ,
Но творимъ мы небосклонъ.
Онъ смѣется,
Въ тайнахъ вѣтется,
Все же знаемъ мы, кто Онъ.
Въ ликъ—отъ лица,
Въ пѣснь—отъ крика,
Въ хороводности временъ!

IV.

Морская раковина.

Я былъ около стоячей воды и дышалъ аромомъ. Онъ былъ такой красивый и узычивый. Золотой жезль, ушедший

внутрь свѣжей бѣлосѣжной чаши. Я дышалъ аромомъ, по мнѣ стало душно, и я ушелъ отъ стоячей воды къ Морю.

Я былъ на островѣ, гдѣ живутъ лишь Черные, у которыхъ глаза всегда горятъ, и въ крови всегда негасимый хмѣль, и губы которыхъ узорны, какъ будто всегда цѣлются. Лишь я былъ на островѣ Бѣлый, но я не люблю Бѣлоликихъ, съ ихъ оглаждкой и трусливостью жизни, и Черные приняли меня какъ брата.

Я шелъ по взморью и пѣлъ. Я пѣлъ о каждой песчинкѣ, которая каждая блеститъ. Я пѣлъ о звѣздахъ въ лазури и звѣздахъ преломляющихся волнъ. Я пѣлъ о каждой капелькѣ Моря, въ которой есть множество капелекъ. А Море пѣло своимъ прибоемъ и бросало по взморью пѣну бѣлымъ раскидистымъ вѣромъ.

Я пѣлъ о томъ, что здѣсь нѣтъ потомъ, а что здѣсь есть, всегда, сей часъ. А Море пѣло своимъ прибоемъ и, синее, рождало бѣлую пѣну.

Я зналъ, что въ этотъ день я буду безмѣро счастливъ. Для этого нужно быть лишь стройнымъ и надѣть перламутровый поясъ изъ раковинъ. Черный колдунъ мнѣ обѣ этомъ сказалъ. И бѣлки его глазъ, когда говорилъ онъ, были бѣлые снѣга, а въ зрачкахъ его былъ пожаръ.

Проходя по взморью, я собиралъ раковины, и каждая была свѣжая и свѣтлая. Я бралъ перламутровую раковину и смотрѣлся въ нее какъ въ зеркало. Но я не видалъ въ ней себя, а видѣлъ безчисленность ликовъ, каждое лицо жило лишь мгновеніе и было прекрасно своюю движностью. Я смотрѣлъ на раковину и видѣлъ жемчужность, но сейчасъ же видѣлъ лазурность, и золото, и алый пламень въ лазури, который меня ласкалъ и мучилъ. И я благословилъ измѣнчивость раковины.

Каждая раковина—въ Морѣ была живая. А когда Море ее выбросило, она жи-

ла Солнцемъ—для Солнца, Луной—для Луны, и дрожаньемъ руки—въ дрожащей рукѣ.

И каждая раковина—это были губы. Каждая раковина—это была странность, нѣжная впадина, малое лоно. И когда ихъ было нѣсколько рядомъ, каждая была хороша въ отдельности, а все уводили къ каждой отдельно.

И я сплелъ себѣ поясъ изъ раковинъ. И я благословилъ Черного колдуна. Тѣло мое было стройно, и сердце мое было весело, ибо я зналъ, что я буду счастливъ.

Потому что я пѣлъ пѣсню.

И вотъ моя пѣсня.

Если изъ раковинъ, раковинъ морскихъ,
Сдѣлать легкій поясъ и поясь тотъ надѣть,—
Знай, что въ желѣзо сокрытъ кровавый стихъ,
Что звонъ колокольный запрятался въ мѣдь,
Что въ золотѣ безчисленность узорно-страш-
ныхъ дѣлъ,
Что много серебристостей въ бѣломъ серебрѣ,
Много лунныхъ сказокъ и лунно-нѣжныхъ
тѣлъ,
Тонкихъ колокольчиковъ, поющихъ на зарѣ,—
Если же изъ раковинъ, раковинъ морскихъ,
Сдѣлать свѣтлый поясъ, и поясь тотъ на-
дѣть,—
Знай, ни желѣзо въ кровавостяхъ своихъ,
Ни солнечное золото, ни заревная мѣдь,
Ни даже серебро, что такъ умѣетъ лунно
пѣсть,—
Поясь изъ раковинъ, раковинъ морскихъ,
Не сумѣютъ спѣть, и не смогутъ прогремѣть.
Разъ его надѣнешь ты вкругъ бедерь твоихъ,
Женщина чуть взглянетъ, и вотъ—она ужъ
чья?
Такъ вотъ ей захочется, чтобы съ нею ты за-
тихъ,
Такъ вотъ пожелается, чтобы слилось—ты и я,
Такъ вотъ подойдетъ къ тебѣ,—къ стиху по-
корный стихъ,
Какъ къ волнѣ волна идетъ, промолвить: я—
твоя!
Бедрами приблизится, ты будешь богъ на
нихъ,
Въ поясѣ изъ раковинъ, раковинъ морскихъ.

К. Бальмонтъ.

1908. Апрѣль.
Долина Березъ.

